

Н. Н. ВОРОНЦОВ

СОБЫТИЯ КОНЦА 40-х гг. В БИОЛОГИИ: ВЗГЛЯД ЮННАТА

От редакции

Николай Николаевич Воронцов широко известен не только как зоолог, эволюционист и эколог, но и как первый и единственный беспартийный министр в истории СССР (в 1989–1991 гг. он был председателем Госкомприроды — министром охраны природы и природопользования СССР). Ученик и последователь Н. В. Тимофеева-Ресовского, С. И. Огнева, Б. С. Виноградова, А. Н. Формозова и других замечательных ученых, Н. Н. Воронцов является автором более 550 научных работ в области зоологии, генетики, экологии, охраны природы и истории биологии. В 1999 г. вышла в свет его фундаментальная монография «Развитие эволюционных идей в биологии». Н. Н. Воронцов — лауреат Государственной премии СССР, Международной экологической премии Общества им. М. Планка и других престижных отечественных и международных премий. Он является вице-президентом Российской академии естественных наук, иностранным членом Королевской Шведской академии наук, Американской национальной академии наук и искусств, вице-президентом Союза научных обществ России.

Мы благодарны Николаю Николаевичу за то, что он согласился выступить на страницах нашего журнала в жанре «устной истории». Мы хотим также поблагодарить Елену Петровну Крюкову за предоставленные фотографии из семейного архива.

Среди знакомых моего детства и в моей семье почти не было профессиональных биологов, от которых я мог бы услышать оценки событиям, назревавшим в биологии к 1948 г. В 1948 г. на страницах «Литературной газеты» развернулась так называемая дискуссия между лысенковцами и профессурой МГУ во главе с академиком Иваном Ивановичем Шмальгаузенем и профессорами Александром Николаевичем Формозовым, Дмитрием Александровичем Сабининым и Михаилом Михайловичем Завадовским по поводу роли внутривидовой конкуренции в эволюции, которую категорически отрицал Лысенко. Оценить, кто был здесь прав, я не мог; но в нашем мире юных биологов, концентрировавшихся вокруг КЮБЗа, были свои безусловные авторитеты.

К числу таких бесспорных авторитетов нашей юности принадлежал М. М. Завадовский, который был славен тем, что в трудные двадцатые годы смог добиться строительства новой территории зоопарка с «Островом зверей», «Турьей горкой» и прудами. Опыты Завадовского по пересадке желез от женского пола к мужскому, вызывавшие изменение вторичных половых признаков, были нам хорошо знакомы по коллекциям Дарвиновского музея, собранным А. Ф. Котсом. В 1948 г. старшее поколение моих сверстников по КЮБЗу — Наталья Наумова, Алла Бернштейн, Иван Родионов — поступили в МГУ, и мы к ним приставали, буквально каждый

день встречая их на пути из университета к зоопарку и расспрашивая о том, что происходит на биологическом факультете. Первая новость: выгнали с работы Завадовского. Вторая: выгнали Формозова — на книгах которого «Шесть дней в лесах» и «Спутник следопыта» воспитывалось все наше поколение юннатов... Поэтому ни о какой справедливости и ни о какой вере в лысенковщину не могло быть и речи.

Кроме того, моя мама в начале тридцатых годов преподавала политэкономии в Балашихе, и от нее я хорошо помню отзывы о старшем поколении генетиков — А. С. Серебровском, М. А. Гептнер, о молодом, «блестящем» (как мама говорила) Н. П. Дубинине. Когда все эти люди, о которых мама отзывалась очень хорошо, вдруг стали неуютны властям, реакция моя была однозначной... Деканом биологического факультета МГУ в послевоенные годы был Сергей Дмитриевич Юдинцев — доцент кафедры динамики развития (которой заведовал Завадовский); впоследствии Юдинцев стал организатором советской промышленности антибиотиков вместе с Георгием Францевичем Гаузе. Старшее поколение студентов рассказывало про Юдинцева легенды. Идя по коридору, он встречал какого-нибудь бывшего майора Красной армии, не сдавшего вовремя зачет, и говорил: «Ты что же это, орденов вон сколько заслужил за войну, а зачет сдать не можешь? Ну-ка зайди ко мне в деканат, будем с тобой разбираться. Что у тебя на ногах, покажи? Так у тебя же ботинки совсем развалились, балда! Дай-ка я тебе ордер выпишу». Выписав ордер, Юдинцев завершал «разбирательство»: «А теперь — марш отсюда, и больше мне с несданным зачетом не попадайся»...

Юдинцев был снят одномоментно, без передачи дел, и передачей факультета будущему декану Презенту был вынужден заняться зам. декана по учебной работе — доцент-герпетолог Николай Владимирович Шибанов. Происходивший из старинного боярского рода, известного еще со времен Смуты, Шибанов принад-

Б. С. Матвеев, С. С. Туров, С. И. Огнев, С. Д. Юдинцев. Весна 1942 г.

Николай Владимирович Шибанов. Конец 1920-х гг.

лежал к тому «среднему звену» доцентов, которые всегда были в университете, и сама внешность которых многому учила нас. Он был основателем московской школы герпетологов, автором всех герпетологических статей во втором издании Большой советской энциклопедии. Шибанову я очень многим обязан — и как одному из первых своих учителей, и как человеку, у которого я занимал деньги до следующей стипендии. Именно Шибанов рассказал мне нижеследующую историю о том, как он сдавал факультет Презенту:

Поднимаемся на третий этаж физиологического корпуса.

— Здесь что? — спрашивает Презент.

— Здесь кафедра физиологии животных. Заведует кафедрой член-корреспондент Академии наук Хачатур Седракович Коштойяц...

...Коштойяца Презент знал как «своего», ведь Коштойяц

сыграл в свое время вместе с Бурденко позорнейшую роль в снятии Кольцова с поста директора Института экспериментальной биологии...

А дальше, напротив по коридору, располагалась лаборатория Сергея Ивановича Огнева, известная всем старожилам факультета как «огневка». Нередко на факультете можно было увидеть объявления типа: «Заседание редколлегии “Советского биолога” в огневке в 19 часов», — и всем было ясно, о чем идет речь. Однажды я был свидетелем такой сценки. Я сидел в «огневке» и работал с коллекциями. Распахивается дверь, в аудиторию влетает некая девица, которая запыхавшись спрашивает: «А огневка здесь»? Навстречу выходит Сергей Иванович в традиционном своем виде — белая рубашка, синие сатиновые (как тогда говорили, «бухгалтерские») нарукавники, прикрывающие локти от пыли... «Огневка? — спрашивает Огнев у девицы. — В первый раз слышу. А лаборатория профессора Огнева — здесь. А профессор Огнев — это я». Страшно довольный произведенным эффектом, Огнев удаляется к себе работать (работал он с утра до ночи)...

Вернемся к рассказу Шибанова:

...Первая комната налево от «огневки» — кабинет Формозова.

— Это что здесь? — спрашивает Презент.

— Это кабинет профессора Формозова.

— Формозова убрать! — распоряжается швондер.

В этот момент выходит Огнев, по-видимому, слышавший наш разговор.

— А это — профессор Сергей Иванович Огнев, — говорю я Презенту.

И вдруг Сергей Иванович своим тонким пронзительным голосом заявляет:

— Николай Владимирович! Я Вас прошу, объясните, пожалуйста, этому типу, что если он еще один раз здесь появится, я прикажу его спустить с лестницы...

С тех пор Презента никогда не видели вблизи «огневки». Как рассказывал мне Шибанов, Презент пытался «копать» под Огнева, но обнаружил, что Сергей Иванович — лауреат Сталинской премии. Более того, именно в то время Огнев получил вторую Сталинскую премию — за «Жизнь леса» (первой был отмечен его труд «Звери СССР и прилежащих стран»). Последнюю премию Огнев получил, как говорится, из рук Сталина. Дело было зимой 1949/50 г. Сталину попалась эта книга, и он спросил об авторе: «А он — лауреат Сталинской премии»? Ему отвечают: «Лауреат, но не за эту книгу». Сталин удивился: «Пачему нэ за эту?» И Огневу за «Жизнь леса» тут же дали Сталинскую премию. Это была своего рода охранная грамота для ученого. А Формозова изгнали из МГУ, и с тех пор образование у нас на кафедре покатилось вниз...

В моей памяти сохранился еще один эпизод из рассказов старших товарищей по КЮБЗу.

Так называемую победу мичуринской биологии в августе 1948 г. было приказано отметить вступительными лекциями на всех биологических специальностях. В частности, такой приказ пришел и к старику Льву Ивановичу Курсанову (которого, в отличие от его сына, называли «настоящий Курсанов»). И вот Курсанов вошел в ботаническую аудиторию, где уже быстренько вывесили намалеванный кое-как портрет Лысенко. Представляете себе: Курсанову, который видел в этой аудитории классиков русской ботаники, теперь предстояло рекомендовать молодежи Трофима?

Он сморщился; у него была бородка клинышком, она вся ушла в большой мясистый нос; он бородкой указал на портрет Трофима и сказал:

Тут академик Лысенко, Денис Трофимыч, всякие открытия сделал... Ну, об этом вам расскажут в других курсах, а у нас — низшие растения.

Сергей Иванович Огнев. «Плесково», май 1947 г.